

Юрий Прыгов

По следу «Авроры»

Юрий Прыгов. Журналист. Родился в 1959 году в Ярославле. Детство прошло на Орловщине, в городе Ливны. Учился в Липецком политехническом университете, в Воронежском Государственном университете. Тридцать пять лет работал в газетах Орловщины, Кубани, Приамурья, Чукотки и Магадана, из них восемнадцать лет – на Крайнем Севере. Пишет рассказы, печатался в журналах «Аврора» и «Подъем». С юности увлекается туризмом, прошел пешком Камчатку, на лыжах ходил по побережью Берингова моря, занимался альпинизмом на Кавказе. Живет в Петербурге.

В советское время литература была для человека значительным явлением.

Как можно было пережить стрессы, успокоить себя, настроиться на позитив, если не существовало практикующих психологов и других специалистов по этой части? Очень просто. Находишь книгу Владимира Леви¹, примериваешь прочитанное к себе — и преодолеваешь комплексы разного рода и возраста.

Чтобы уйти от замкнутости пространства — читаешь писателей-путешественников, и открываются новые горизонты, страны, народы. Как, например, в интересном произведении И. Гончарова «Фрегат Паллада», в котором неспешный эпикуреец Иван Александрович (не любящий сквозняков) совершает за два с половиной года морской переход из Кронштадта до Японии и потом добирается сушей по Сибири в исходную точку.

¹ Советский и российский писатель, врач-психотерапевт и психолог, автор книг по различным аспектам популярной психологии. В своих книгах публиковал избранные письма читателей, обращавшихся к нему с различными проблемами (от конфликтных взаимоотношений с родителями или супругами – до тяжелейших ударов судьбы). Приводил и ответы на письма, написанные им самим, его коллегами или учениками – высокохудожественные, остроумные, психологически компетентные, дававшие множество «рецептов» на все случаи жизни – и побуждавшие к личностным преобразованиям.

Вот что значит русский характер! И так — с любой проблемой, возникающей на жизненном пути.

Меня, например, в юности сильно озадачивала тема взаимоотношений со сверстниками. Все, что происходило вокруг, не нравилось (из-за вульгаризации любовных историй). Это с одной стороны. С другой — была мне присуща такая странность, как запредельный романтизм и платонизм. В поисках «золотой середины» я случайно наткнулся на популярные тогда романы Жорж Санд. Сначала удивил мужской псевдоним писательницы, а следом — «многоэтажное» имя: Амандина Аврора Люсиль. Читались ее книги превосходно: полные кипучей страсти, любви, смелого публичного осмысления роли женщины, стремящейся к свободе. В советской литературе, с ее однозначностью и традиционностью, подобная проблематика тогда не встречалась. И я надолго и с головой окунулся в сложные коллизии романов «Консуэло», «Мельник из Анжибо», «Валентина», «Мопра», «Индиана»... пока не перечитал все, что мог достать в библиотеках.

Действительность заиграла новыми красками, а каждый сюжет давал пищу уму и сердцу. В какой-то момент, переживая вместе с героинями горечь неразделенной любви, я увлекся самим автором, ясно дело — умозрительно. Действительно, почему она получила столь редкое имя богини утренней зари, вылетающей из океана на берег в колеснице, запряженной огнедышащими конями? Возможно, в честь бабушки — тоже Авроры, или таким образом родители писательницы хотели добиться для дочери счастливой поэтической судьбы...

Однако жизнь распорядилась по-своему. Вереницей пошли детские трагедии, потом — неудачные браки, бесконечные любовные истории. С композиторами и пианистами Фредериком Шопеном и Ференцем Листом, поэтом Альфредом де Мюссе, адвокатом Луи Мишелем, парижским молодым вольнодумцем Жюлем Сандо, итальянским врачом... Истории эти, вместе с письмами, так бы и остались в семейной хронике знатного рода Дюпен, но Бог наделил Аврору недюжинным талантом литератора, бунтаря, сострадателя. Ничто не прошло мимо ее сердца и ума, в том числе революция, социальные сдвиги, зарождающаяся феминизация. Подключая пылкое воображение, мастерски выстраивая сюжет, автор томик за томиком предлагала читателям всего мира разделить с ней восторг и горечь самого сильного человеческого чувства.

Под обаяние Авроры попали знаменитые романисты: О. Бальзак, Г. Флобер, П. Мериме, наши писатели И. Тургенев, Ф. Достоевский, критик В. Белинский. Колесница Жорж Санд оказывалась всякий раз в разных местах, но вместо факела хозяйки утреннего чуда великая мастерица прозы держала перо, на кончике которого частенько занималась новая заря неподражаемой горячей любви с ее розами и шипами. Последних было

явно больше, что не мешало читательской аудитории автора расти в геометрической прогрессии, в том числе и в России.

Эту традицию почитания первой леди французской литературы переняли (что удивительно) советские книгочеи и издатели. Критики относились к мадам Дюпен по-разному, особенно в вопросе феминизации. Нынче идея равноправия полов уже потеряла новизну, но во многих странах все еще продолжают переиздавать ее романтично-психологические произведения. Случается, перечитываю их и я, параллельно следя за «аврориадой», широко распространившейся по миру. Уж очень интригует символ античной культуры людей разных характеров, профессий, стран. Правда, трактовка древнего мифа греков и римлян встречалась у современников своеобразная: иногда использовался только бренд (да простится мне это словечко в данном контексте) без всякой связи с содержанием. А в нем, содержании, Эос (или Аврора), кроме того, что она приносила рассвет и провожала солнце по горизонту, была еще и девушкой страстной, любвеобильной, имеющей роковые пристрастия к юношам.

Дальнейшие взоры были обращены, конечно же, на культовый корабль Октябрьской революции «Аврору». Интерес к нему возник совершенно случайно: в нашем маленьком провинциальной городке на Орловщине все прекрасно знали парней, избравших морскую стезю. Самой заметной фигурой у нас был Вячеслав Мартиросян. Этот яркий парень блистал везде: на боксерском ринге, за школьной партой, на эстрадных подмостках (играл в оркестре на трубе). Когда он поступил в Питере во Фрунзенское высшее военно-морское училище, никто не удивился.

На каникулы курсант всегда приезжал домой и частенько появлялся в общественных местах в морской форме. Всем это нравилось: бескозырка с ленточками, тельняшка, клеши... Слава охотно рассказывал про учебу в знаменитом училище, основанном еще Петром I, про удивительный город на Неве. Сам будущий капитан не затерялся в нем, стал чемпионом Ленинграда по боксу, отлично учился, а практику, кстати, проходил вдали от родных берегов на кораблях Балтийского флота.

На одной из встреч в местном ДК Мартиросян познакомил сверстников с легендарным крейсером, ставшим музеем. Тот вечер мне не забыть, воображение много раз «дорисовывало» портрет и пыталось соединить несоединимое: «сигнальщика» революции и богиню утренней зари. Как-то слабо сочетались в голове сорок пушек вооружения корабля и хрупкая колесница с молодой красавицей... Но на такие мелочи мало кто обращает внимание, туристы прямо-таки ломились на Петроградскую набережную, где бросил «вечный» якорь участник Цусимского сражения.

Значительно позже, переехав в Санкт-Петербург, я узнал и прочитал много интересного о судне, которое побило все мировые рекорды дол-

говечности, славы, внимания и почета. Впрочем, хватало и критики, связанной с заменой днища, орудий, исторической достоверностью, однако ничего не меняла. Профиль «Авроры» стал визитной карточкой Северной столицы, корабль регулярно обновляли и славил.

Историки тоже не теряли времени даром. Так, стало известно, что в процессе поиска названия парусному фрегату (предшественнику нынешнего крейсера) царь Николай I предложил присвоить судну имя Авроры. И не той, мифической, что запала в душу поэтам и художникам, а той, которая блистала красотой при его дворе в качестве фрейлин: Авроры Демидовой-Карамзиной. Уж очень она нравилась императору. В числе поклонников красавицы со шведскими корнями летописцы называют не только царя, но и знаменитых литераторов: А. С. Пушкина, Е. Боратынского, П. Вяземского, ее портреты рисовали придворные живописцы, в том числе и Карл Брюлов. Получилось по-французски: *cherchez la femme!* Отмечу, что в судьбе Демидовой-Карамзиной, слывшей в свете роковой женщиной, подтвердился характер божественной первоосновы.

Когда экипаж военного парусника закончил свой славный героический путь, редкое его имя перешло к вновь построенному кораблю на питерских верфях, о котором и речь.

Авору этих строк два десятилетия пришлось ступать на палубы лишь ледоколов да всяких судов усиленного ледового класса. А рядом с Чукоткой, на Камчатке, бороздил воды студеных морей мой славный земляк, Слава Мартиросян. Служба его проходила, как песня: успешное капитанство, спортивные достижения, дальние походы Индийский и другие океаны. Командовал экипажами семи судов — от минных тральщиков и сторожевиков до больших противолодочных кораблей. Среди них — «Павел Хохряков», «Якорь», «Приморский комсомолец», «Резкий», «Федор Митрофанов».

Как известно, в советские времена на морях шло напряженное соперничество с американским флотом за первенство в Тихом океане, поэтому жизнь моряков была полна опасностей и рисков. Случались различные инциденты, стычки. В одной из них Мартиросян блестяще проявил себя, за что удостоился награды — медали «За боевые заслуги». Он не просто находился на военной службе в широтах, как и больше века назад — моряки парусного фрегата «Аврора», но и героически отстаивал российские интересы на Дальнем Востоке. Удачливого и умелого офицера выдвигали на руководящие должности: комбрига, начальника штаба, заместителя командира Камчатской флотилии. Уже в звании контр-адмирала, имея немало наград, Вячеслав Матвеевич вышел в отставку и вернулся в город своей курсантской молодости.

Думал, что будет на пенсии грибы собирать в окрестных лесах, а не получилось: поступило предложение поработать на «Авроре», замести-

телем руководителя плавучего музея. Отказываться не стал — и увлекся новым делом на целых одиннадцать лет, досконально изучил историю крейсера, встречал-проводил солидные делегации из-за рубежа, занимался техническими вопросами поддержания судна на плаву.

Не раз Мартиросян публиковал свои материалы — мемуары, репортажи — в одноименном журнале «Аврора», выходившем в городе на Неве с 1969 года. Впрочем, и мне «Аврора» печатная всегда нравилась тем, что ее редакция не забывала морскую тематику. Особенно радовала читателей проза «главного ленинградского мариниста» — Виктора Конецкого, его отменный юмор, ироничный слог...

Заметим, что значительно раньше, еще в XIX веке, журналы с названием «Аврора» выходили в Париже и Москве, но продержались они на плаву недолго, — чего не скажешь о «тезке» из Ленинграда-Петербурга. Полвека отплавав, как в спокойных, так и в штормовых водах, журнал «Аврора» нынче — единственное печатное издание, носящее это имя.

Существует легенда о том, что «Авророй» журнал окрестил один из его создателей — Михаил Дудин. Знаменитый поэт прогуливался по набережной, размышляя, как назвать вновь зародившийся в Ленинграде литературно-художественный и общественно-политический журнал для молодежи. Вдруг взгляд его упал на крейсер «Аврора» — и это было озарение: в ту же минуту новорожденный «толстяк» получил свое имя.

Связь с богиней утренней зари предполагала, что новый молодежный журнал ознаменует собой новую эру ленинградской и советской литературы. По большому счету, так и вышло.

Впрочем, путь бумажной «Авроры» не был легким. В соответствии с веяниями времени и требованиями тогдашних хозяев (среди которых был и обком ВЛКСМ), журнал периодически претерпевал изменения. Менялись направленность, художественно-полиграфическое исполнение, обложки... даже формат — от классического журнального А4 до размера карманного пакет-бука... «Приходились ко двору» одни авторы и отодвигались в тень другие... а потом все менялось, с точностью до наоборот.

Литературные исследователи отмечали пристрастие редакторов «Авроры» к молодежным проблемам, дебатам, остросоциальным коллизиям, даже к религиозной теме. Большое значение имело то, кто в данный момент стоит на капитанском мостике. В основном, это были талантливые и смелые люди, заметные в писательской и журналистской среде города. Публикуя заведомо острые материалы, они зачастую лишались (как, например, Владимир Торопыгин или Глеб Горышин) редакторского кресла.

Однако плавание продолжалось. В «Авроре» печатались выдающиеся мастера русского слова: Ф. Абрамов, Д. Гранин, С. Довлатов, Ф. Искандер,

В. Шукшин, А. Кушнер, А. Ким, Г. Горбовский, В. Пикуль, В. Попов, А. Битов, В. Белов, В. Лихоносков.

Особенно нелегко пришлось «Авроре» в постсоветский период, когда толстые журналы без поддержки государства «зависли в воздухе». Однако стараниями таких энтузиастов, как Валерий Новичков (он был главным редактором в 2011-2014 гг., но фактически руководил организацией, возродившей выпуск «Авроры», с 2006 года), журнал не почил в бозе, а выжил и потихоньку начал возрождаться. В нем стали публиковаться В. Пелевин, З. Прилепин, Г. Садулаев, И. Бояшов — иными словами, самые яркие и заметные современные писатели.

Благородное дело продолжила преемник Новичкова — главный редактор Кира Грозная, привлекая к участию в проекте известных писателей, журналистов, драматургов. Журнал даже удостоился звания лауреата на конкурсе «Сделано в Петербурге» в 2016 году. В последние пять лет в «Авроре» были напечатаны произведения Вячеслава Лейкина, Ольги Аникиной, Полины Барсковой, Александра Мелихова, Лилии Газизовой и многих других замечательных поэтов, прозаиков, публицистов. Достаточно упомянуть только имя Валерия Попова, вернувшегося в «Аврору», где когда-то состоялись его первые публикации, и не только в качестве автора, но и члена редколлегии, чтобы оценить высокий художественный уровень, до которого снова поднимается журнал.

...Яркий поэтический образ богини утренней зари уже сто лет не устаревает и эксплуатируется во многих областях культуры, науки и даже промышленности. Образ Авроры присутствует в песнях, фильмах, в балете П. Чайковского «Спящая красавица», в сонате Л. Бетховена №21, в стихах А. Пушкина и М. Лермонтова. Очень часто встречается и женское имя — Аврора... ну, а в географии их пруд пруди: шесть муниципалитетов в Бразилии, города в США и Канаде, деревня в Вологодской области...

Я же предпочел поискать следы божественной колесницы в Крыму. За три года жизни там обнаружил село, названное любимым именем, и скалу на мысе Монастырь Бурун. Места ослепительной красоты и растворенной в воздухе поэзии. Не случайно поэт и художник М. Волошин избрал Крымский полуостров местом своего обитания и творчества. В Коктебеле ему дарили вдохновение лучезарные рассветы, после чего рождались прекрасные картины и стихи, в которых находилось место для «морской наездницы», управляющей двойкой коней...

Построенный Максимилианом Александровичем дом стал прибежищем муз и литераторов. Все они, как один, вставали ни свет, ни заря — и ждали выезда на берег богини утреннего света. Некоторым, говорят, повезло. Впрочем, не обязательно было ехать к морю. Например, Микелан-

джело представил Аврору, стремительно летящую с неба вниз, что он и отобразил на своем полотне.

Если посетите Краснодар, пожалуйста, полюбуйтесь скульптурой богини, управляющей рассветами. Правда, она представлена в образе... комсомолки в шинели, с ружьем на плече, со звездой в поднятой руке. Как пишут в туристических справочниках, местная Аврора есть символ веры в светлое будущее России. Звучит возвышенно и патриотично, сама скульптура монументальна и, я бы сказал, крута, по-военному прочна. Ничего в ней божественного нет (к сожалению) — просто революционная героиня, притянутая за уши к сюжету античной мифологии...

Впрочем, о вкусах спорить бесполезно. Многие в поиске необычно-го названия также поддаются соблазну эксплуатации древних мифов. Мне, например, трудно понять, почему назван «Авророй» испанский автоматический пистолет калибра 6,35 мм, или гиперзвуковой самолет BVC США? А между тем немало бытовых вещей и средств передвижения тоже имеют подобный символ. Отечественная любительская кинокамера, советская радиола, автобус ПАЗ-4250, скоростной поезд, курсировавший между Москвой и Ленинградом-Петербургом с 1963 по 2010 год... Что ж, красиво жить не запретишь!

Пытался я найти следы утренней наездницы даже на крайнем северо-востоке страны. Подумал, что место, где занимается заря нового дня страны, эта дама не пропустит. Да, встретил я на Чукотке много удивительного — во флоре и фауне, быте, культуре и фольклоре малых северных народов, подивился силе, красоте охотников и рыбаков, яркости полярного сияния, — а вот маршрутов колесницы не обнаружил. В бескрайних снегах полуострова Дауркин попадались следы от собачьих упряжек, вездеходов и оленей, но они быстро заматались всепоглощающей пургой, и ничего другого увидеть не удалось. Большую часть года в автономном округе царствовала зима, в которой дни, вечера, утра было трудно отличить друг от друга, что не всякой богине понравится. Правда, коротким летом рассвет длился... двадцать четыре часа в сутки, но и эта аномалия тоже на любителя.

...За последнюю пару лет судьба столько же раз счастливо улыбнулась мне и подарила два посещения Канады, где живет дочь с внучками и внуком. Поселились они в городке Аврора (Орора), что в сорока километрах к северу от Торонто. В нем числится пятьдесят пять тысяч человек, треть которых — эмигранты. Блуждая по ухоженным чистым улочкам однодвухэтажного городка, я чаще всего встречал людей с китайской внешностью. Это, как выяснилось, самая большая диаспора КНР — в три тысячи граждан. Причем китайцы очень отличаются от тех, которых приходилось видеть на Дальнем Востоке и в северных провинциях Поднебесной. Тут

они внешне дороднее, неторопливее, судя по маркам машин — богаче. Наблюдения подтвердили соотечественники из разных городов и весей РФ (всего шестьсот человек). Они выражали неудовольствие тем, что сюда едут очень богатые китайцы, а с ними меняются цены, особенно на жилье. Как по архитектуре, так и по цветовой гамме оно довольно однообразное. Есть, конечно, и очень дорогие дома на больших площадях земли. Городок, как-никак, входит в десятку самых обеспеченных населенных пунктов Канады по среднему доходу на человека — шестьдесят пять с половиной тысяч канадских долларов. «Лидеры», конечно, не то, что у нас — врачи, в первую очередь хирурги, чьи зарплаты выше двухсот тысяч в год.

Местами Аврора напоминает Туманный Альбион: встречается много домиков в английском стиле, обвитых плющом, везде безупречные травяные газоны, поляны для гольфа. Чистый воздух и отличная вода из крана свидетельствовали, что поблизости нет никакой промышленности, а только леса, реки, озера и плантации фермеров. Как оказалось, все близлежащие территории отнесены к разряду заповедных... чем, конечно, воспользовались толстосумы из соседнего Торонто. Темп жизни городка невысок, неспешно едут автомобили, почти все прохожие раскланиваются друг с другом. Достаточно мне было проводить в соседнюю школу внуку Маргариту, как на следующий день встреченные на том же маршруте люди уже приветливо махали рукой, а учительница-француженка удостоила теплой улыбки. Не скрою, испытал приятные минуты от человеческого благорасположения в незнакомом и далеком эмигрантском краю. Красавица на колеснице, видимо, не могла не осенить изящной ручкой эти благословенные кущи, названные в честь нее и как-то повлиять на нравы.

Спалось в северо-американском краю хорошо, питание дочь мне обеспечила отменное (лососина, ягнятина, русские разносолы), но душа просила пищи и для себя. Как-то с утра решил пройти всю центральную «Янгстрит», плавно переходящую в шоссе, ведущее в Торонто. Обратил внимание на скромное здание суда и — по контрасту — на шикарную публичную библиотеку. Заглянул в местный музей: разбираю все-таки любопытство, почему городок назван «Авророй».

Если кратко, то в начале XIX века здесь проходил военный тракт, потом возник хутор с мельницей, католическая церковь, позже построили канатную и каретную фабрики, лесопилку, плавильный заводик. В стародавние времена деревня именовалась по-другому, а назвать ее Авророй предложил в 1854 году продвинутый почтмейстер Чарльз Доун, полюбивший античную историю еще в родной Шотландии. На исходе того же века этой «перевалочной базе леса и зерна» пожаловали статус города. Его и

пояныне украшают католические храмы, здания лицеев и частных школ, а по утрам царица утреннего света раскрашивает крыши домов в розовые тона и сопровождает солнце по небу.

Как ни занимала меня история канадского городка, ставшего отчасти родным, я не мог пропустить возможность побывать на Ниагарском водопаде, пускавшим пенные струи всего в ста километрах от Авроры. В сердце теплилась надежда, что и там обнаружу следы мифологической героини.

И вот я иду по кромке обрыва, с которого открывается великолепный вид на широкую реку Ниагару, потерявшую дно у кромки разлома. В воздухе растворены солнце, водяная взвесь, утренняя свежесть; дышится легко. С радостью наблюдаю рождение радуги и белого туманного столба в середине самого большого водопада «Подкова» (на канадском берегу). Два водопада поменьше фонтанируют уже в США. Народу вокруг видимо-невидимо, но все организовано четко, без шума и давки.

Мы с зятем и внучкой поспешили вниз, туда, где стоят пароходики, получили красные плащи и устроились на палубе. Через полчаса наше судно, нагруженное туристами, подплыло к месту падения огромной массы воды, летящей по воздуху вниз пятьдесят метров. Вокруг — грохот и бульканье, преломленный свет, мозаика брызг. Люди, в основном из Азии, с мокрыми лицами смеются и радуются, что попали в диковинное место, беспрестанно протирают объективы фотоаппаратов, снимают картины колоссального водопадения...

А я вспомнил многочисленные водопады Кавказа. Красоты эти, как сейчас говорят, не «раскручены», о них не знают за рубежом. Ниагару же знают все; здесь богатая инфраструктура, много парковок, ресторанчиков, магазинчиков, отелей, казино.

Саму Аврору я (был полдень) не увидел ни на небе, ни на воде, но, как сказали местные жители, она любит почитать водопад своим присутствием в зимние дни, когда часть воды превращается в лед и включается под-светка.

Возвращаясь в городок, вспомнил историю посещения в 1892 году культового канадского шедевра природы русским живописцем-маринистом Айвазовским. Ивану Константиновичу было далеко за семьдесят, когда он решился на морское путешествие через Атлантику. Сейчас воздушный лайнер максимально сокращает путь на Американский континент, но тогда русский фрегат потратил на переход многие недели. Прежде чем увидеть седьмое чудо света, живописец успешно перенес штормы, качки, ветры. Но не только лицезреть это самое чудо прибыл в Ниагару почетный член многих художественных академий мира. Чтобы проникнуть в суть феномена природы, он сразу же приступил к работе: с рассвета до

позднего вечера набрасывал с натуры эскиз за эскизом (всего сохранилось в архивах двадцать три рисунка). А саму картину маэстро сотворил в родной Феодосии, где она хранится по сей день в музее его имени.

Сравнивая свои впечатления от посещения водопада и от работы Айвазовского, сразу понимаешь, насколько восхищен был выдающийся художник этим фантастическим соперничеством земли и воды за верховенство в красоте, причудливой игрой света в низвергающемся столпе воды...

...Я погостил у дочери почти все лето, обследовал пригороды Торонто, познакомился со столицей Оттавой, городами Монреалем и Ванкувером. Возникло желание рвануть на север Страны кленового листа, где можно наблюдать северное сияние и подобное природное явление под названием «Аврора». Впрочем, совершить подобный вояж оказалось делом неподъемным, поэтому я переключился на изучение культурной жизни маленьких соседних городков.

Событий в округе проходит мало. Народ увлечен бытом, спортом, шопингом. В Нью-маркете, однако, повезло: прошел джазовый фестиваль. Все действие происходило под открытым небом на лужайке в окружении громадных банок пива «Будвайзер», производители которого, видимо, являлись спонсорами мероприятия. Пенистый напиток вообще тек рекой, канадцы (среди которых встречалось немало людей с излишним весом) охотно поглощали его. На импровизированной сцене играли разные джазовые коллективы, но ни их исполнение, ни репертуар отклика во мне не нашли — так много шума они создавали.

Подобные мероприятия приходилось наблюдать летом в Питере и Коктебеле. Но по содержанию — небо и земля! Канадцы попросту поглощали пиво в изрядных количествах, интенсивно пританцовывая. Из развлечений запомнились палатки, в которых художницы могли разрисовать лицо каждому желающему. Все.

В Торонто — да, было куда сходить и что посмотреть, на улицах довольно часто слышались русская и украинская речь. Конечно же, я посетил знаменитый на весь мир зал хоккейной славы, где канадцы «прописали» наших выдающихся хоккеистов В. Третьяка, В. Фетисова, В. Харламова, И. Ларионова, П. Буре, С. Федорова, А. Якушева и тренера А. Тарасова (недавно), и где хранятся под стеклом их доспехи. Кстати, на сельскохозяйственных фермах, куда аборигены отправляются не только купить свежую продукцию, но и развлечься, я увидел кукол-хоккеистов в форме, в человеческий рост, на коньках и с клюшками. Спросил у фермера, для чего этот кукольный маскарад. Тот удивился вопросу, но когда понял, что перед ним иностранец, ответил, что это — для поддержки любимой местной команды «Торонто Мейпл Ливз».

Там же, на ферме, я чуть было не споткнулся о тыкву. Их выставлено везде великое множество. Для увеселения публики фермеры установили специальную пушку, стреляющую тыквами. Вместо летающих снарядов с неба падают оранжевые плоды. Канадские чудеса без всякой мифологии!

Общее впечатление о Стране кленового листа складывалось неплохое: хорошо действующие законы, бесплатная медицина, порядок на дорогах, трепетное отношение к флоре и фауне, приветливые люди. Русскоговорящие держатся дружно, помогают вновь прибывшим, чем только могут, охотно рожают детей (государство оказывает весомую материальную помощь семьям). Недовольные, конечно, есть. Но есть они и в других диаспорах.

Я познакомился с соседом по дому в Авроре, парижанином Пьером, очень деятельным и образованным человеком. Он с удивлением наблюдал, как я растапливаю дровами тульский самовар, привезенный в подарок дочери из Питера. Зато потом с большим удовольствием пил вкусный «краснодарский чай» с русскими блинами и делился впечатлениями о Канаде.

На смеси трех языков мужчина втолковывал мне, что все равно вернется на историческую родину. Объяснял это тем, что ему, как художнику, лучше работается в Европе. В родном Париже каждый дом «дышит» историей, а разнообразная архитектура дает новые творческие импульсы...

Небоскребы же Торонто и Ванкувера совсем не вдохновляли живописца на новые произведения — напротив, они угнетали его своей «фаллосной» спецификой. Не нравилась Пьеру и суровая северная природа. Франкоговорящий Монреаль, конечно, ему пришелся по сердцу, но одного такого островка художнику-французу явно не хватало.

В итоге парижанин все-таки уехал на родину, под сень Монмартра, Версаля, Лувра. С подобными настроениями мне довелось встречать москвичей и питерцев — скучающих, ностальгирующих по родине. Зато прочим славянам, а также китайцам, индийцам и евреям здесь многое по нраву. Особенно — экология и возможность заработать неплохие деньги...

С абсолютным раем на земле, как известно, напряженка. Однако есть на нашей красивой планете места, где из пены морской выходит Афродита, стучит копытом по скалистому Парнасу крылатый конь Пегас, мчатся по заснеженной Сибири грациозные олени, окрашивает в розовый цвет небо и берег Аврора, богиня утренней зари. В такие места особенно стремятся попасть творческие люди.